

Книги Артема Михалева
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

МОСКОВСКАЯ МАГИЯ. ПЕРВАЯ ВОЛНА
МОСКОВСКАЯ МАГИЯ. ТЕМНОЕ СЕРДЦЕ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АРТЕМ МИХАЛЕВ

МОСКОВСКАЯ
МАГИЯ.
ТЕМНОЕ СЕРДЦЕ

РОМАН

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М69

Серия основана в 1992 году
Выпуск 806

Художник
В. Федоров

Михалев А. А.

М69 **Московская магия. Темное сердце: Фантастический роман.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 376 с.: ил.— (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1325-6

Магия ворвалась в нашу жизнь, сокрушая устои и ломая традиции. С другой стороны, ну магия, ну ворвалась... И что?! Казалось бы, месяц назад столица горела под боевые заклинания вампиров, а в августе об этом уже забыли. некогда вспоминать былое, когда на голову сыплются новые напасти.

Волна прошла, и волей случая Москва оказалась в самом эпицентре магического урагана. Наружу повылезали маги и психи, и тут главное не перепутать первых со вторыми! Город бурлит новостями. На его улицах встречаются безумные полубоги и носятся стаи невидимых, но очень голодных тварей. За МКАДом достраивают магическую академию, а внутри кольца пышно расцветают мерзопакостные секты.

На фоне всего этого великолепия блекнет даже известие, что ты — чешуйчатый оборотень с порченным даром, в груди которого бьется темный и довольно своенравный источник. И демон! Чуть не забыл про демона!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1325-6

© Михалев А. А., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРЕЛЮДИЯ 1

Вот уже больше недели солнечные лучи не могли проникнуть сквозь наглухо зашторенные окна. Тем не менее в помещении было светло как днем — десятки ламп заливали все вокруг ярким светом. Громадная, из тех, что зовутся студиями, квартира была обставлена в стиле минимализма: диван, пара кресел и тонкая панель плазменного телевизора. Вряд ли подобная обстановка, больше присущая офису, могла бы вызвать ощущение уюта у обычного человека. Но решать, как говорится, хозяину.

А ему на мнение простого люда было откровенно наплевать. После нескольких месяцев распятого заточения в крохотной комнатухе бывший маг по достоинству оценил простор. И свет. Что, по меньшей мере, необычно для высшего вампира. С другой стороны, тело Салеха еще помнило человеческое тепло, и нет в том вины, что оно всеми силами цеплялось за уютное прошлое.

Последние месяцы жизни вампир провел не лучшим образом. Холод серебряного саркофага до сих пор не выветрился из памяти, и немертвый тщетно пытался согреться, кутаясь в теплый домашний халат. К сожалению, тепло такого рода было ему более недоступно. Свежая кровь — другое дело. Пряная и теплая, она дарила жизнь.

Задумчиво отхлебнув из бокала, Салех демонстративно поморщился. В кресле напротив сидела женщина, чье тело, казалось, было соткано из тьмы. Старая знакомая. Незванная и смертельно опасная, она смотрелась совершенно неуместно при таком обилии света. Выделялась, словно черная клякса на белоснежной скатерти. Одного этого было доста-

точно, чтобы испортить вампиру аппетит. Отпускаемые комментарии были, право, лишними.

— Ты меня не слушаешь! — обвиняюще произнесла Эльвира.

— Нет, Хозяйка. Я слушаю тебя о-очень внимательно.

Чтобы уловить пренебрежение в словах вампира, не требовалось даже прислушиваться. Скрипнув клыками по стеклу, Салех выцедил остатки алой жидкости и отставил бокал в сторону. По комнате разнесся едва слышный, отдающий напряженным шипением вздох. Пусть перерождение и лишило вампира необходимости дышать, но как еще показать гостю, что ее появление безнадежно испортило казалось бы прекрасный вечер?

— Ты должен в точности выполнять мои приказы!

— Да, Хозяйка, — флегматично ответил мужчина, демонстративно полируя ногти о воротник халата.

— Мне здесь неуютно. Зачем тебе этот солярий?

Надо признать, что яркий свет действительно не шел колдунье на пользу, слегка размывая очертания ее тела. С виду она больше походила на размытое пятно, теряя весь новоприобретенный лоск. Что, впрочем, не делало ее ни на грамм безопасней. При желании ведьма могла без лишних усилий зажарить Салеха вместе с половиной квартала. Причем в последнее время Эльвире становилось все трудней удерживать себя от подобного поступка. Слишком профессионально вампир играл на ее нервах. Не было в его ответах подобающего уважения. Как сейчас, например:

— Какой солярий, Эль? Ты прекрасно знаешь, сколько я просидел в каземате у твоих выкормышей. Хватит с меня темноты.

— И все равно, здесь слишком светло.

Салех продолжал молча и безучастно смотреть на девушку. Молчание нарушила Эльвира. Сотканная тьмой фигура проворчала:

— Тебе не мешало бы поучиться уважению. Впрочем, я пришла не за этим. Скажи, зачем ты убиваешь вампиров?

— На них приятней охотиться — хоть какое-то разнообразие. Убивать людей скучно и неинтересно. В конце концов, я — хищник, а не убийца.

Салех не врал. Но не говорил он и всей правды. Рабское заклинание на его горле безжалостно наказывало за любую ложь, однако не умело отличать полуправду. Убивая сородичей, высший преследовал и другие цели.

— Люди...

— Эльвира, кажется, я ясно выразился. Я не стану убивать людей только потому, что это нужно тебе. Твой дар слишком опасен, чтобы дразнить его лишними смертями. Мне хватило оборотня.

— Ты упрям, как... как баран.

Пожав плечами, вампир откинулся в кресле и прикрыл глаза. Эту фразу он слышал не впервые. Буравя его злобным взглядом, женщина прошипела, едва разжимая губы:

— Если б ты только знал, как мне иногда хочется оторвать твою башку. Но...

— ...я тебе необходим, — закончил за нее Салех, не открывая глаз. — Не всегда сила решает все проблемы, верно?

ПРЕЛЮДИЯ 2

Лето подходило к концу, и стройка на территории Высшей московской школы магии не останавливалась ни на минуту. Совершенно обычные, без капли магических способностей, рабочие в спешке доводили строение до ума. Строгий, но изысканный интерьер пусть и недостроенного учебного здания производил впечатление на любого, самого придирчивого эстета. Оборудованные по последнему слову техники аудитории готовились принять тысячи дарований со всей страны. Всех — от мала до велика. Волна не делала исключений по возрасту. Так или иначе разветвленная сеть университетов позволяла обучаться магическому искусству почти в любой точке России, но московская Вышка планировалась как лучшая из лучших.

Была, правда, одна проблема...

Кровавые события последних недель сорвали все сроки, и среди уставших, ругающихся матом рабочих нередко мелькали не менее загнанные и столь же изощренно матерящиеся сверхи тринадцатого отдела. После падения «железного

занавеса», почти два года скрывавшего правду о магии, сверхи ходили по зданию будущего университета и не скрываясь накладывали защиту.

Хотя более уместно сказать — метались. Сроки горели, до первого звонка оставалось всего ничего, а в среде «чертей» наметился небольшой раскол. После гибели Графа¹ набирали оборот закулисные игрища. Проще говоря, шел передел власти. Смерть московского координатора и будущего ректора академии, стальной хваткой державшего все нити в едином кулаке, сильно ослабила на первый взгляд монолитное сообщество тринадцатого отдела.

Высшую московскую школу магии и Российскую академию магии планировали создавать параллельно. Первая должна была готовить людей с высшим профессионально-магическим образованием и осуществлять научную деятельность. Вторая — эту самую деятельность координировать. Не только в Москве. По всей стране, во всех исследовательских институтах и научных организациях. Восстание нежити и кровавая деятельность Эль сильно проредили и без того немногочисленный преподавательский состав. Академиком от магии катастрофически не хватало.

— Архимаги — товар штучный, — грустно шутили «черти».

В результате от идеи создания РАМ пришлось временно отказаться, возложив ее функции на многострадальную Вышку. Путаницы это решение породило изрядно. И грызни между сверхами тоже.

Что говорить, если даже генерал-лейтенант Власов — куратор всего магического проекта, не мог удержать в узде свою свору. Не помогали даже выдающиеся навыки организатора. Отсутствие магических способностей играло против него. Впрочем, этот опытный, прошедший огонь и воду солдат дураком отнюдь не являлся. Прекрасно понимая, что никогда не сойдет за сверха, он выбрал себе протеже и целенаправленно двигал его в ферзи. Точнее ее. С точки зрения Власова, Женя-Василек была единственным подходящим кандидатом на место ректора.

¹ Г р а ф — кличка погибшего в первой книге мастера-координатора тринадцатого отдела Петра Ивановича Быкова. — *Здесь и далее примеч. авт.*

— Замену координатору я найду в ближайшее время, а в кресло ректора должна сесть именно она. — Данную фразу генерал произнес во время очередной встречи с главой государства. — «Черти» окрепли. Должности необходимо разделить.

Власов даже себе не хотел признаваться, как сильно подорвал его доверие к «чертям» поступок сподвижника.

Женя как раз работала глубоко в подвале медицинского корпуса Вышки и ни сном ни духом не подозревала о грядущем назначении. Ей хватало текущих проблем. В эту секунду под ладонями девушки в конвульсиях дергался оборотень, грозя порвать серебряные кандалы и в труху разметать половину лаборатории. Василек прилагала титанические усилия, чтобы сдержать Ящера в тисках заклинаний, но перевертыш упорно рвался на волю. Скажи ей месяц назад, что она не сможет в одиночку скрутить низшего сверха, и девушка только покрутила бы пальцем у виска.

В одиночку действительно не получалось. Перепуганный до полусмерти татуировщик замер в углу, сжимая в охапке чемоданчик с инструментом. Его взгляд буквально прилип к паре магов, пытающихся удержать в кресле рвущегося на волю оборотня.

— Держи вектор, Коста. Выломает же сейчас, — взвизгнула Женька, кидая очередную заплатку. — Твою за ногу! Держи, говорю!

Невысокий кореец с невозмутимым выражением лица стоял перед креслом. Казалось, вид молодого человека, на глазах покрывающегося антрацитовый чешуей, был для него делом вполне обыкновенным. Впрочем, так оно и было на самом деле. Вот тьма в глазах оборотня Косту изрядно напрягала. Как и истаивающие серебряные оковы. Маг уже с трудом выдерживал напор демона, вселившегося в тело Стальнова. Прутья незримой для невооруженного глаза магической клетки угрожающе гудели, грозя вот-вот развалиться. Заклинание рассыпалось.

— Силен, чертяка. — Слова рвались с хрипом. Кореец сжал кулаки до хруста, выкладываясь до конца.

— Вектор держи, блин!

— Держу, держу. Не мельтеши, ему не вырваться.

Словно в ответ на столь самоуверенное утверждение, по-

крытый чешуей парень дернулся и таки вырвал крепления правой руки. Мгновенно удлинившиеся когти со свистом вспороли воздух, описав дугу вокруг кресла. Скованный оборотень словно отбивался от чего-то невидимого, отгоняя врагов взмахами черных и острых даже на вид клинков. Чудом увернувшись от удара, кореец неуловимым движением сместился за спину Ящеру и положил ладонь на затылок перевертыша.

— Держу, — невозмутимо уточнил он в ответ на пылающий возмущением взгляд девушки.

Действия Косты не остались без ответа, по телу Александра пробежала волна обратной трансформации. Казалось, в теле парня поселилось два человека, один из которых рвался наружу, а второй из последних сил сдерживал себя. В нечленораздельном шипении пленника слышались невнятные — захлеб — слова, но они полностью тонули в яростном реве прущего на свободу демона.

— Тише, Саша. Тише! — Отвернувшись от корейца, Женя уговаривала пленника словно неразумное дитя. — Уже скоро.

Она продолжала шептать еще некоторое время, наблюдая, как ослабевают взмахи Александра. Уже не столь опасные, они постепенно сошли на нет. Дрожь, пробегающая по скованному телу, становилась все незаметней. Пока наконец не прошла и она. Как апофеоз действия под кожу оборотня медленно втянулась чешуя.

— Все, — облегченно выдохнула девушка. — Чуть не заporола.

— А я тебе говорил, давай народ позовем.

— Ладно-ладно, умник. Крепче вяжи в следующий раз.

— Дай бог следующего не будет. — Кореец оглянулся по сторонам. — Эй! Мастер наскальной живописи! Иди давай, малюй!

Видя, что художник не торопится к своему строптивому и смертельно опасному холсту, Коста добавил:

— Не дрейфь, парень. Он смиренный, пока скован. Иди, кому говорят! Времени мало.

ГЛАВА 1

Когда тебя настигает смерч из человеческих останков — это конец. Особенно если над его созданием потрудились один из лучших магов на планете, принеся в жертву кучу людей и вампиров. Эльвира была редкой сукой, но в профессионализме ей не откажешь. Откровенно говоря, я был уверен, что умру. Невелик шанс выжить, когда тебя корежит и рвет изнутри сумасшедшее заклинание.

Отчетливо помню, как эта мерзость проникала внутрь меня. Медленно, смакуя каждое мгновение, она беспощадно перемальвала сантиметры моего тела. Наполненное прахом заклятие стремилось убить и впитать самую суть, но что-то пошло наперекосяк. В какой-то момент я понял, что заключенный внутри меня оборотень пришелся ему по вкусу. И планы поменялись. Оно больше не хотело убить меня, оно стремилось стать мной. Породниться.

Такое соседство пугало до дрожи, слишком низменные чувства испытывало создание Эльвиры. Базовые инстинкты, возведенные в абсолют: выжить любой ценой и сожрать все вокруг. Я боролся, но силы были неравны.

И тогда я-человек сдался.

Остался только я-зверь, который сражался до конца. Он бился без шансов на победу, просто потому, что не мог иначе. Жаль только, что Ящер был слишком молод и слаб. Мы проиграли.

Не стало тела. Не стало чувств. Только редкие проблески реальности, которые прекратились сразу после гибели Эльвиры. Вокруг плавала только безграничная тьма. События

блуждали в памяти как в тумане, всплывая, когда им вздумается.

Точно я знал только одно — демон затаился внутри. Победа над бывшей хозяйкой ненадолго утолила его ненасытный голод, но что-то подсказывало мне — тварь уснула не навсегда, и ее пробуждение мне не понравится.

Дарованную передышку я постарался использовать по максимуму. К сожалению, взломать оковы собственного разума оказалось непросто. Не знаю, сколько прошло времени. Может — час, а может — год. Время становится субъективным понятием там, где нет ни часов, ни звезд, ни солнца. Только темнота и ощущение нечеловеческого голода за черными стенами. Чего я только ни делал, чтобы выбраться из западни. Боги — свидетели, разве что головой не долбил, за предметом ее отсутствия. Все напрасно. Демон крепко вцепился в мое тело и не желал отдавать.

Единственная победа — воспоминания о последних мгновениях до черной клетки. Я все-таки добрался до Эльвиры. Хотя моей заслуги в том было не много. Сумасшедшая колдунья чем-то насолила своему творению. Думаю, личность смерча была соткана из сознаний убитых вампиров и сверхов. Эдакий смертоносный коктейль из обрывков чужих воспоминаний... и ненависти к предательнице.

Сомневаюсь, что Эльвира осознавала, что именно ей удалось сотворить. Выпускать на волю такое создание — все равно что играть с взведенной гранатой. Чудо, что тварь не сбросила оковы до встречи со мной. И дважды чудо, что мое тело так приглянулось демону. Стоило бесконтрольному смерчу вырваться в город, и количество смертей исчислялось бы десятками, если не сотнями тысяч. Гоняться за ним было бы просто некому. Слишком много всего навалилось одновременно. Эльвира не разменивалась по мелочам, закрутив в Москве настоящий калейдоскоп ужасов. Даже лишившись тела, я не изменил своего мнения — мы отделались легким испугом.

Время шло, а я продолжал меланхолично долбить стены своей темницы. Хуже всего, что я понятия не имел, принесли ли мои действия хоть какие-то результаты. Все на ощущениях, все субъективно. Хотя вру. Уставал я стабильно, а по-

сле особо рьяной попытки вырваться меня и вовсе скрутило приступом боли. Так что толк все же был, пусть и не слишком воодушевляющий.

Лучше всего себя зарекомендовали попытки пробуриться наружу. Стоило мне начать вворачивать свое сознание в стены, как темницу начинало трясти. И явственно ощущалось недовольство демона. После каждой такой попытки я долго приходил в себя, но свое подлое дело бросать не собирался. Хотелось на свободу.

А еще мне было страшно. До дрожи в коленях, которых я не видел и не чувствовал. Наверное, именно поэтому я так рвался наружу. Слишком яркая картинка иногда мелькала в моих мыслях. Больница. Медсестры в белых халатах. Куча раненых со всего города, свезенных в одно место после нападения нежити. И я. Точнее, мое тело и демон, засевший внутри. Выспавшийся и голодный, а кругом аппетитная, пряная еда. И моя семья в качестве главного блюда. Стоило мне представить, что там произойдет, и я снова и снова бросался на чертову стену в бесплодных попытках пробиться наружу. Все было напрасно.

С каждым разом отчаяние захлестывало все сильнее, затягивая как в болото. Нет звуков, нет запахов, нет движения. Такое чувство, словно меня заперли в желудке у этой твари и медленно переваривают. Разум сдавал позиции. Не знаю, что бы я делал, если бы не боль. Не скажу, что мне нравилось ее испытывать, но она оставалась единственным доступным ощущением. Я цеплялся за нее изо всех сил, не бросая попыток пробиться на волю. Звучит глупо, но боль становилась своеобразным вознаграждением.

Я плавал в темноте, собирая силы перед очередным рывком, когда что-то изменилось. Легкая, едва ощутимая дрожь сотрясла мою клетку. Уверен, не проводи я здесь столько времени, она осталась бы незамеченной. Чувство тревоги нахлынуло со всех сторон, заставив меня сжаться в горошину. Иглами, острыми как лезвия бритвы, я успел ошестиниться в последний момент. За секунду до того, как стены тюрьмы сдавили меня в своих объятиях.

Демон проснулся.

Если бы не постоянные попытки вырваться, я бы не вы-

жил. Но тренировки не прошли даром. Недели или месяцы? Не знаю. Казалось, я пробыл здесь очень, очень долго. Пластичность сознания увеличилась в разы, превратившись если не в смертоносное оружие, то в средство защиты — точно. Удар. Странное ощущение, словно внутри меня все звенит от напряжения, грозя вот-вот исчезнуть. Если бы у меня были зубы, боюсь, они бы раскрошились от усилий. Отталкивать сжимающую тьму оказалось невыносимо тяжело. Нет пространства для маневра, некуда бежать, только я и она. И не видно шансов на спасение. Удар. Удар. Удар.

Зверь во мне протестующе ревел, отдавая последние крохи своей жизни. Финальная схватка в парке едва не стоила ему жизни. Сейчас, когда вокруг осталась лишь пустота, я лучше чем когда-либо понимал, сколь многим ему обязан. Без его желания жить, без его неприятия неволи я-человек давно бы сдался — растворился в чужой сущности.

Стоило этой мысли промелькнуть в сознании, как меня словно окатило теплом поддержки. Вот о чем говорил Волков, когда советовал принять зверя внутри себя. От меня не требовалось мириться с его существованием. Смирения мало там, где нужны уважение и благодарность. С такой поддержкой стало вдвое легче отражать натиск. И все же силы были неравны, рано или поздно нас здесь раздавят.

— Держись, чешуйчатый. — Шепот вырвался в перерывах между атаками, когда стало уже совсем хреново.

Будь у меня тело, я бы замер как вкопанный. Сколько я ни пытался говорить вслух за время своего вынужденного заточения, у меня ни разу не получалось. Впервые я отчетливо слышал собственную речь, и это чуть не стоило нам жизни. Удивление было так велико, что я едва не проворонил следующий удар. И следующий. Словно почувствовав слабину, тварь усилила натиск, выжимая меня из собственного тела. Откуда-то извне прорывались ощущения, далекие голоса, нарастала боль. Схватка вошла в финальную фазу. Ударты сыпались градом, а мы держались только благодаря сплаву человека и оборотня. Что ни говори, а Ящер — живучая тварь. Гораздо сильнее, чем просто Александр.

— Последний удар. Обещаю! Еще один — и все!

Сжавшись в комок, из последних сил создав несколько

острых лезвий вокруг собственного разума, я приготовился к очередной атаке. Приходилось уговаривать себя, чтобы шевелиться. Не пойму, почему мы до сих пор живы. Пауза между ударами затянулась. Словно через плотный слой ваты донеслись слова снаружи:

— Все. Чуть... — И дальше неразборчиво.

Но даже этой короткой фразы хватило, чтобы я узнал голос Женьки. Теперь все будет хорошо. О собственной улыбке я скорей догадался, чем почувствовал. Потому что в этот момент плотину ощущений наконец прорвало, и нас затопило волной образов, звуков и ощущений. Какофония оглушала. Тело вернулось законному владельцу.

— Теперь все будет хорошо, друг, — повторил я. — Женька, она поможет.

Последнее, что я помню — отчетливый мазок длинного, шершавого языка по лицу. Острого, как мелкая наждачка.

Ощущение дежавю накатило сразу.

Я не в первый раз просыпался привязанным к кровати, и что-то мне подсказывало — не в последний. Возникло у меня такое нехорошее предчувствие. Оглянись я вокруг, и чувство тревоги унялось бы мгновенно. Вполне себе мирная картина: чистая палата, легкий полумрак, все белое и пахнет медикаментами. Если бы не кожаные ремни на щиколотках и запястьях — и вовсе было бы хорошо.

Но сознание включилось не сразу, и тело, еще не отошедшее от кошмаров длительного заточения, отказалось мириться с неволей. Первая реакция была вполне естественной — я начал вырываться. Даже у больного и раненого оборотня силы вдесятеро против человеческой. Особенно если обманутые чувства вопят, что тебя загнали в угол. Звери не любят клеток, цепей и ошейников. Это закон, который гонит новорожденных оборотней прочь из города. Бурлит в их крови жажда свободы, желание разорвать вяжущее по рукам и ногам чувство ошейника. Слишком много «нельзя» вокруг, слишком много «должен». Животная природа бунтует там, где человек способен сдерживаться десятилетиями.

Одним словом, рвался я что есть мочи. Не знаю, к чему бы это привело, ремни были явно не простые, да и кровать,

похоже, варили из обедненного урана — от моих усилий она даже не качнулась. Остановил меня тихий голос из угла комнаты:

— Тише, Саш. Успокойся.

Женьку я узнал сразу. И очухался достаточно, чтобы оглядеться и немного прийти в себя. Попытался улечься поудобней, чтобы держать собеседницу в поле зрения, но, к сожалению, кровать не была рассчитана на такие подвиги. Поняв мои затруднения, Женя подхватила стульчик и подседа поближе. Некоторое время мы молчали. Я пытался собраться с мыслями, а она — мне не мешать. Царящие в палате сумерки напрягали меня до невозможности. Поежившись, я попросил:

— Свет включи. Неуютно.

Девушка даже не пошевелилась, но в тишине раздался оглушительный щелчок выключателя. Мгновение позже, лихорадочно заморгав, вспыхнули лампы. Не ожидая такой оперативности, я некоторое время пытался избавиться от разноцветных пятен перед глазами.

— Привет. — Я кашлянул. — Почему меня сковали? Опять что-то натворил? Ничего не помню.

— С тобой лучше перебдеть, — грустно улыбнулась девушка. — Как ты вообще умудрился подцепить эту заразу, а?

— Угу, — чуть невпопад согласился я. — Мерзкая тварь. Ты даже не представляешь насколько.

— Почему же? Я всю неделю провела рядом с тобой, пыталась найти лекарство. Как будто у меня других дел нет.

Лекарство. Судя по невеселому тону — не очень успешно. Я жив, но в животе отчего-то скрутило жгутом. Не хочу спрашивать. Боязно. Потом.

— Как вы тут? — тихо спросил я. Стыдиться вроде бы нечего, а вот поди ж ты — стыдно. Зуб даю, даже уши покраснели.

— Затишье. Кровососов большей частью выдавили из города. Теперь князя осторожно забрасывают удочки на предмет мировой. Вышие, что ты хочешь?! Твари! Не привыкли прятаться по канализациям! Власов собирается их помиловать. Правда, прижучим мы их всерьез, но воевать до полного истребления уже бессмысленно.

— С чего вдруг такие перемены? Помнится, Церковь кипятком... — Я осекся под укоризненным взглядом Василька. Пришлось поправиться: — Ну, в смысле до последнего упыря.

— Волна прошла. И, Саш, ты бы с Церковью полегче. Они что-то тобой интересоваться начали, а это не к добру. С чего бы это, а?

— Утопят в святой воде? — уточнил я, пытаюсь скептически шевельнуть бровью. Судя по выражению лица Женьки, картинка получилась занятная. — Переживу как-нибудь. Что там с Волной?

— Пока не ясно. Слухи, сплетни и никакой конкретики. Похоже, вампиры научились обращать простых людей. Не все, конечно, только немногие из высших, но нам и этого хватает. Волна же. Ждем. Может, еще что новенькое нарисуеться. Думается мне, что ритуал Графа сильно подстегнул процесс. Короче, аналитика пока молчит.

— Весело, не то слово. Развяжешь?

Вместо ответа девушка поднялась со стула и принялась отстегивать браслеты. Змеящаяся по ним серебряная вязь вызывала во мне противоречивые чувства. С одной стороны, я помнил, что серебро служит для защиты от любого негатива, с другой — мне жутко хотелось сорвать его с себя. И изорвать в клочья. Картинка разрушений оказалась такой сладкой, что в груди приятно защемило. Удовольствие длилось всего несколько секунд, а затем меня так встряхнуло, что я чуть не взвыл. Пробежавшая по телу горячая волна оказалась неожиданно болезненной.

— Работает, — удовлетворенно кивнула Василек.

— Твои штучки? — Вырвавшееся из горла злобное шипение напугало меня самого. — Ох, ни фига себе.

— А ты думал, все закончилось? Это еще цветочки. Сосед тебе достался — не приведи господь.

В этот момент открылась дверь в палату, и из коридора донесся жизнерадостный голос:

— Не поминай имя Его всуе, женщина.

— Отец Илларион, — поморщилась девушка. — Я же просила вас не заходить, пока не позову.

— Простите, Евгения. — Одетый в рясу мужчина попы-

тался придать лицу виноватое выражение. Получилось не слишком хорошо, но он не особо и старался. — Тьмой шибануло. Сильно его дергает, даже отсюда почувствовал.

— Все с ним будет хорошо, — резко ответила девушка. — Я гарантирую.

— Только не держите меня за врага. Я был уверен, что вы подсовываете нам липу, лишь бы отвязаться. Теперь вижу, что ошибся. Прошу меня простить.

— Помогайте, раз уж пришли. Застежку заклинило. — Женя повернулась ко мне: — Знакомься, отец Илларион — твоя новая нянька.

— Можно просто Игорь, — тут же поправил священник, протягивая мне руку.

Рукопожатие не удалось, виной тому была заклинившая застежка. Да и желания особого не было, откровенно говоря. Церковь хоть и считалась нашим союзником, но вызывала во мне противоречивые чувства. Особенно после знакомства с сестрой Эльвирой. Если я не ошибаюсь, московская ведьма состояла именно в этой организации.

Заметив свою оплошность, Игорь двумя резкими движениями отстегнул заклинивший замок, выпустив меня на свободу. Потирая запястья, я все же пожал ему руку. Неловко как-то — взрослый человек, смотрит так доброжелательно, улыбается. Меня просто накрыло уверенностью, что со мной играют как с ребенком. Волну раздражения погасить не удалось, и меня скрутил очередной приступ.

— Саш, прекращай дергаться. Ты себя поломаешь.

— Жень, если эта хреновина срабатывает на негативные эмоции, ты не могла бы ослабить чувствительность? — сквозь зубы прошипел я.

— И не надейся. Не хватало еще, чтобы ты кому-нибудь голову оторвал? Потерпи немного, это пройдет. По крайней мере, ослабнет со временем. Заклинение внутри тебя еще слишком активно. Да, кстати, не пытайся сменить форму. Мои рисунки этого не допустят.

— Какие еще рисунки?

— Нам пришлось разукрасить тебя серебром, чтобы ослабить вселившуюся мерзость и запереть ее внутри.

От моего рывка пуговицы с пижамы разлетелись в сторо-

ны. Все верно, та же серебряная вязь, что была на ремнях кровати, спускалась вниз, покрывая чуть ли не каждый сантиметр моего тела. Ох ты ж! Что же тогда у меня на лице? С кровати я спрыгнул, панически озираясь в поисках зеркала. Ехидно улыбаясь, Женя крикнула мне в спину:

— В ванной оно, в ванной.

Как я вписался в поворот — ума не приложу. Косяк только хрустнул, впуская меня в крохотную комнатку. Зеркало! Выходил я в полной прострации. Гладко выбритая голова в закорючках символов ничуть не радовала. Неудивительно, что в моем голосе плескалось раздражение, скорей было непонятно, почему меня не скрутил очередной приступ.

— И как мне теперь на люди показаться? Меня же из дома выгонят.

— Ну, чего-то подобного я и ожидала. Все вы, мужики, повернуты на своей внешности.

— При чем тут внешность? Я же на фрика¹ похож! Хуже чем в чешуе!

Надо отдать должное, отец Игорь в этот момент тактично молчал. Его подколок, а он, судя по всему, был личностью на язык острой, я бы точно не выдержал. Внутри меня что-то сдвинулось, и я замолчал, пытаюсь унять очередную волну злости. Кулаки сжимались и разжимались в бессильной ярости. Похоже, это не прошло мимо внимания Василька, потому что реакция последовала незамедлительно:

— Все-все-все. Извини, я переборщила с шуткой. Не переживай, рисунок для обычных людей невидим. Я тебе больше скажу, рассмотреть мое заклинание смогут немногие сверхи. А волосы скоро отрастут. По крайней мере, я надеюсь. — Из моего горла вырвалось сдавленное рычание, и девушка выставила перед собой ладони. — Успокойся, Саш. Не было у нас другого выхода. Мы и так чуть тебя не потеряли. Коста до сих пор заклинать не может — выложился до доньшка.

Судорожно сглотнув, я кивнул. Мол, все в порядке. Хотя какой к чертям порядок, если я говорить не мог — боялся сорваться? Внутри еще кипело, хоть и не так сильно. Наконец

¹ Фрик — человек, отличающийся необычным, экстравагантным внешним видом и вызывающим поведением (*ред.*).

мне удалось справиться с собой. Вспышка оставила ощущение полной опустошенности, и мне невыносимо захотелось к семье. К своим, в безопасность.

— Жень, мне бы домой, там волнуются наверняка.

— Конечно, Саш. Я бы тебя оставила на стационар, но, откровенно говоря, других забот по горло. Больнички переполнены после выкрутасов Эльвиры. Да и не останешься ты, а привязывать, — она улыбнулась, — уже не вариант. Думаю, все будет нормально. Ты только не поубивай никого, ладно? Игорь тебя отвезет.

Прощаясь, я хотел пожать ей руку, но вместо этого Василек шагнула и порывисто меня обняла.

— Рада, что с тобой ничего не случилось. Все! Проваливайте оба, мне еще отчеты писать.

Вроде мелочь, но из палаты я выходил уже совсем в другом настроении. Жизнь продолжалась!

Длинный и широкий коридор пустовал. При виде его у меня появились определенные подозрения насчет этого здания, и они лишь усилились, когда мы вошли в лифт. Массивный, способный поднять несколько десятков человек, он обладал одной знакомой мне особенностью — цифры на его панели располагались все в том же обратном порядке. Снова я проснулся под землей. Черт побери, нехорошая тенденция, так и до могилы недалеко. Интересно, откуда спецслужбы берут такую привычку — закапываться под землю?

Оказывается, мы находились в подземной части Вышки. За неделю работы в тринадцатом отделе мне уши прожужжали насчет новой московской академии магии. Ну не то чтобы мне, я все же числился в новичках, но разговоров о ней хватало. Будет интересно поглядеть, что именно она из себя представляет. Хотя с таким настроением...

— Рашн Хогвартс, — буркнул я себе под нос.

Отец Илларион отвернулся, пытаясь скрыть улыбку. Отдам должное, он старательно молчал все время, пока лифт выносил нас на поверхность. За это я был ему крайне признателен. Чего у священников не отнять — так это терпения и умения слушать. Лишь на поверхности он попытался заговорить, но вокруг было так шумно, что объясняться прихо-

дилось чуть ли не жестами. Сделав мне знак следовать за ним, куратор быстрым шагом направился к виднеющейся вдалеке стоянке.

Академия, кстати, впечатления не произвела. Шум, гам, свай забивают. Строители матерятся, причем большей частью не по-русски. Единственное, стало легко вычислять магов. Проходя мимо, они притормаживали и провожали меня удивленными взглядами. Подготовленные ребята. Наши «черти». Во всяком случае, моя татуировка бросалась в глаза всем и каждому. Приятного, как говорится, мало.

Поездка прошла в молчании. Не то чтобы я себя плохо чувствовал, скорее мне было интересно, кто из нас первый заговорит. Тем более что подумать было о чем. Сорвавшись домой, я ничего не выяснил насчет своего будущего. Как работа, что с заклинанием, которое я самонадеянно окрестил демоном, что вообще меня ждет? Сомневаюсь, что контора отпустит меня так просто. Слишком много секретов я успел узнать за короткий срок, и то ли еще будет.

Скосив глаза, я посмотрел на отца Иллариона. Игорь, говоришь? На первый взгляд — нормальный мужик, без закидонов. С проповедями не лезет, поминутно не крестится. Разве что ряса эта, ну и крест размером с два моих кулака, больше похожий на кастет, чем на религиозный символ. С другой стороны, мне ли на него наезжать? С моей-то татуированной рожей. Может, хоть он что-нибудь знает? Подумав, я все же решил повременить с расспросами. Церковь представлялась мне хоть и дружественной, но конкурирующей организацией. Еще сболтну что-нибудь, бегай потом от них. И от наших и от ваших. Священник, кстати, мой взгляд заметил, но виду не подал. Крутил себе спокойно баранку и в ус не дул. Ну да, чего ему волноваться? Гадость-то во мне засела.

До города мы добрались за час и еще столько же колесили, пробиваясь через пробки. До меня дошло, что я не назвал своего адреса, только когда мы во двор въезжали. Удивиться, что ли, для разнообразия?

— Зайдете? — больше из вежливости спросил я.

— С удовольствием.

К моему удивлению, отец Игорь тут же принял предложение. Ладно, будем считать, что это ему благодарность, что ездит на отечественной машине. Уважаю. Смотрел как-то передачу про их руководство — впечатления незабываемые. На общем фоне мой знакомый аскетично выделялся в лучшую сторону. Хотя это я со зла, наверное. С кряхтением я принялся выбираться из машины.

Двор. Давненько я здесь не появлялся. Свежо, ветерок прохладный, но так хорошо. Вечер уже, народ с работы возвращается. Знакомые лица кругом. Стоило мне вылезти из машины, как ко мне устремился один из моих бывших клиентов.

— Дарова, Сашок. Как ты?

— Потихоньку. — Вполне нейтральный ответ для моего состояния.

— Слушай, у меня что-то движок барахлит. Не посмотришь?

— Извини, дядь Паш. В ближайшее время — без вариантов. Дел по горло.

— Черт. — Тут он увидел священника, вылезающего из машины, и смущенно хкекнул. Игорь в ответ лишь кивнул, мол, нормально все. Говорю же, хороший мужик.

— Совсем никак? — не унимался сосед. — Если по деньгам...

— Не в деньгах дело, аврал у меня.

— Ну да, понимаю.

Павел оглядел меня с головы до ног, заострив внимание на лысой голове и порванной больничной пижаме, затем перевел взгляд на священника. Не знаю уж, какие выводы он сделал, но ретировался довольно быстро. А что я могу поделывать? Не было у меня другой одежды. Глупо было бы ожидать, что Василек станет по магазинам бегать. А семью я сам тормошить запретил. Ничего страшного. В свете последних событий священник — не самая странная компания, в которой меня могли застукать. Та же Ливиан в боевой форме легко дала бы бабкам тему для сплетен на ближайший год. Переживу как-нибудь.

Стоило мне переступить порог квартиры, как я немедленно был заключен в объятия. Ни капли не стеснясь моего

спутника, мама тискала меня как ребенка. Хотя почему как? Заблудший сын вернулся домой. Вырывался я, кстати, напрасно. Отшагнул назад, и меня чуть не сбил визжащий ультразвуком комок энергии. Понятия не имею, как сестренка сдерживалась столько времени. Для нее это настоящий подвиг.

Потом началась менее приятная процедура, думаю, знакомая каждому. Где ты пропадал? Почему не звонил? Что с одеждой и зачем наголо побрился? Вопросами меня засыпали. Это еще повезло, что родные в упор не видели серебряной вязи татуировок. Иначе, боюсь, пришибли бы на входе.

С другой стороны, радовало, что Женька выполнила обещание — мама была не в курсе случившегося. Еще на заре карьеры я потребовал, чтобы семью понапрасну не волновали. Нечестно, но мне спокойней.

— Мам, мне надо в душ и переодеться. Знакомься, это — отец Игорь. Мой куратор и священник по совместительству.

Схватив комплект одежды, я быстренько ретировался в ванную, отдав бедолагу на съедение моей семье. Не завидую ему. Изголодавшись по новостям, мои женщины вывернут его наизнанку. Между прочим, я не слишком образно выражался. В любом случае я не мог прийти ему на помощь — были дела важнее. Надо экстренно смывать больничный запах, не дай бог, мама унюхает. Прятаться от сестры я зарекаюсь, все равно раскопает. Лучше сразу рассказать, взяв слово, чтобы никому и никогда. В этом плане Юлька — кремень. Любопытный, блин, такой кремень с длинным носом.

Стоило встать под тугую струю душа, и все проблемы мгновенно выветрились из головы. Горячий, почти обжигающий ливень заставил ежиться от удовольствия. Как же я соскучился по нормальной жизни. Будь у меня выбор, про безумных магов, погони и мертвецов я бы узнавал только из новостей. Не спорю, в последнее время моя жизнь стала разнообразней, но градус опасности порой зашкаливал. Боюсь, если ситуация не изменится, долгая карьера мне не светит. Прибьют-с. Или наоборот? На прощанье Василек намекнула на моральную компенсацию и какие-то звания, но мне было уже не до этого. Я рвался домой.

Вывернув ручку душа на контраст, я несколько секунд наслаждался прикосновениями ледяной воды. Приятно, черт побери! Затем горячая, и на выход. Растираясь пушистым полотенцем, я почувствовал себя почти человеком. Странновато для оборотня? Ничуть!

— Благода-а-ать! — простонал я, выходя из ванной.

Оставалось только надеяться, что вид полуобнаженного меня не шокирует святого отца. Как оказалось, Игорь уехал по делам, не дожидаясь моего появления. У меня вообще сложилось впечатление, что он заходил специально, чтобы успокоить моих домашних. Мама была в курсе, что ее сын работает в тринадцатом отделе Министерства Магического Искусства, но о специфике, естественно, не догадывалась. Надеюсь, и не узнает. Я не хотел признаваться даже самому себе, что мне понравилось работать в конторе. Не хотелось разрываться между семьей и работой.

А насчет того, что священник провел воспитательную беседу — это к гадалке не ходи. Слишком старательно мои женщины делали вид, что ничего не произошло. Даже не доносили вопросами, окружив теплом и заботой. Неспешный разговор под горячее, потом чай и вечерние новости. Диктор — приятная на вид девушка в строгом деловом костюме, что-то рассказывала насчет магии. Какие-то встречи на высшем уровне, клубы по интересам и магические библиотеки по всей стране. Народная самодеятельность в виде гильдий и кланов. Кажется, было что-то про мошенников, но от усталости начала подводить память. Отрубился я прямо на диване, завернувшись с головой в теплый шерстяной плед. Мой дом — моя крепость. Ощущения покоя и умиротворения были просто чудесными.

И как любое чудо, они разбились о суровую правду жизни. Среди ночи я проснулся, не понимая толком, что именно меня разбудило. Размеренное, утробное урчание, донесшееся со стороны балкона, вздыбило несуществующую чешую на моем загривке. Все тело потряхивало от ощущения опасности. Завывания раздавались на грани слышимости и в то же время разрывали голову на части. Такое чувство, словно неведомая тварь монотонно «пела» за стеклом, пытаясь загнать меня обратно в сон.

ГЛАВА 2

До сегодняшнего дня я был уверен, что существуют два способа проснуться. Из сна можно либо спокойно выплывать, либо панически выныривать. Пример первого — это субботнее утро, когда ярко светит солнышко и его лучики нежно щекочут за ушком. Желательно где-нибудь за городом и подальше от сестренки. Вариант номер два встречался в моей жизни гораздо чаще. Это когда блондинистое чудо с косичками затевало очередную каверзу, от последствий которой я с воплями выскакивал из кровати.

Но, оказывается, существовал и третий способ. В этот раз меня буквально вытряхнуло из сна, а раскручивающаяся в груди пружина в мгновение ока вымела остатки сонливости. Страха не было, только понимание, что на меня открыли охоту. Такое непривычное для жителя современного мегаполиса. Темный переулок и показушный нож в руках преступника — чтоб слегка пугнуть, не больше, — это, наверное, максимум, который способна выдержать неподготовленная психика. Отдать кошелек и украшения, отбиться кулаками или, в крайнем случае, просто убежать. Жуть, конечно, но быстро забывается. Другое дело, если на тебя смотрят как на мясо, выбирая самый сочный кусок. Это надо пережить! После такого в голове что-то переворачивается и встает на место. Понимаешь, что главный закон все еще тот самый, где выживает сильнейший.

Я знаю, что говорю. Побывав в вампирском притоне, я получил право на подобные заявления. Когда без малого пара сотен кровососов рассматривает тебя как термос с кровью, уже не так страшно просыпаться от ощущения, что тебя готовятся сожрать. Но в любом случае приятного мало. Даже для оборотня. Особенно для оборотня! Стоило мне понять, что происходит, как хищник в моей крови одуряюще взревел. Сама мысль о том, что нас воспринимают как пищу, казалась оскорблением.

В эту секунду я был благодарен своей человеческой половине. Именно она удержала меня от поспешных поступков. Ящер рвался в бой, стремился впиться клыками в горло вра-

га и разорвать на части. Человек думал, стараясь рассмотреть хоть что-нибудь за пыльным стеклом балкона.

Шестой этаж. Тишина. Пусто. Никого!

И все же я был готов биться об заклад, что мне не чудилось. Время утекало, как песок между пальцами, а я пытался придумать решение для головоломки.

Слова Евгении о том, что полная трансформация мне более недоступна, еще звучали в моих ушах. Мастер-лекарь утверждала, что это временная мера, и продлится до тех пор, пока мы не избавимся от засевшего смерча. По дороге домой я пытался укрыться чешуей, и сотни вонзившихся в тело иголок явно показали — мою защиту Эльвира сильно ослабила. Броня пробивалась медленно и неохотно, а когти и вовсе нарастали сквозь зубовный скрежет. В случае боя я просто не успею ими воспользоваться. Скорость, ловкость и сила оборотня — вот все, что у меня осталось. Не густо, но и не пусто.

«Повоюем», — мелькнула мысль.

Зверь внутри поддержал ее одобрительным рычанием. Шипящие нотки в собственном голосе заставили слегка улыбнуться. Кажется, последние события не прошли без последствий, граница личностей становилась все тоньше. Расслабившись, я выпустил рвущегося наружу Ящера и, протянув руку, подхватил с пола свое импровизированное оружие. Единственное, до которого я смог дотянуться в такой ситуации.

В крови бурлило злое предвкушение. Брызги оконного стекла я встречал в удивительной гармонии и даже без зеркала чувствовал, как губы кривятся в животном оскале. Ошибся тот, кто посчитал меня добычей. И ошибся смертельно.

Целиком отлитая из металла — еще прабабкина ваза — встретила тварь на полпути. И удар был хорош — прямиком в голову. Семейное наследие удачно расположилось возле дивана. Не силен я в металлургии, но что-то мне подсказывало —ковка бронзовая. Уж больно тяжелой оказалась хреновина. После такого удара противнику не позавидуешь, взвизг явно отдавал поскуливанием. Хм, собака, что ли? По-

том разберусь, главное попал хорошо, комнату затопил сладковатый запах крови.

Усиленно моргая, я пытался настроить зрение, не выпуская из рук импровизированной дубины. Даже оборотню в такой ситуации требуется несколько секунд, а их не было. В первый раз мне повезло, но долго такое везение продолжаться не могло. Широко распахнутые глаза успели заметить лишь тень движения под обломками телевизора. Удар! Кажется, успел. На руки брызнуло чем-то липким. Судя по звону битого стекла, тварь улетела через всю комнату и раскрошила сервант с посудой. Гордость семьи — мамин чайный сервиз на двенадцать персон отправился на тот свет. Звериное рычание было ему похоронной музыкой. Злитесь, падаль! Ну я бы тоже разозлился после такого.

Поводя перед собой изрядно помятой вазой, я все же рассмотрел, с кем сражался. Темная бестия действительно походила на собаку. Четыре лапы, вытянутая голова с зубастой пастью и шипованный, бьющийся в азарте хвост. Картину дополнял полный набор загнутых когтей и черная, с алыми проблесками шерсть. Быстрая! Мотая лобастой башкой, тварь выбиралась из-под обломков мебели и низко рычала. Раздраженный взмах хвоста легко вскрыл старые польские обои, оставив на бетонной стене глубокую полосу. Существо едва дотягивало до пояса, но для своего размера обладало удивительной силой.

— Иди сюда, родимая!

Уверен, в пижамных штанах и с тяжелой вазой наперевес я смотрелся комически. Да я бы и сам посмеялся с удовольствием, но раздавшееся за спиной рычание мигом вытряхнуло из меня все веселье. Прижавшись к стене, я с тоской наблюдал, как через разбитое окно в комнату скользнули еще два монстрика. Тварь заявила не одна.

Хуже того, сражение хоть и длилось от силы десятков секунд, но звуки в соседней комнате ясно показывали — времени осталось немного. Моя семья совершенно беззащитная! В отличие от меня, сестра с матерью погибли мгновенно. Острая, как удар ножа, вспышка паники чуть не захлестнула меня с головой.

— Не суйтесь! Сидите в комнате!

Рев получился отменный. В прыжке, на выдохе, с занесенной над головой вазой, я вложил в удар все оставшиеся силы, прекрасно понимая, что второго шанса уже не представится. Стоит этой твари шмыгнуть в глубь квартиры, и догнать ее я просто не успею. Она оказалась слишком близко к двери.

И все же удар получился как надо. У псины не успела восстановиться координация, и она не смогла увернуться. Взмах дубины пришелся точно в хребтину, ломая ее ко всем чертям. Рычание оборвалось, словно повернули рубильник. Пес улетел в стену, чтобы спустя секунду разлететься фонтаном брызг. Запах крови стал настолько ярким, что меня качнуло в сторону. Зверь во мне оглушительно взревел и окончательно потерял голову, запуская волну трансформации.

Тело пришло в движение, меня форму словно пластилин. Вспыхнувшая было надежда жила недолго, мгновение спустя яростно полыхнули набитые знаки, и меня швырнуло обратно. Кости гнулись и трещали от противоборствующих сил. С одной — звериная жажда свободы, подкрепляемая темным заклинанием, с другой — мастерство Василька и моя неуверенная помощь. Мы были почти равны! Схватка и металлический привкус крови на зубах настолько взбудоражили Ящера, что у меня плыло перед глазами. Татуировки медленно наливались холодным серебряным свечением, не выдерживая напора. Зверь и демон ломали клетку с двух сторон. Осознание пришло внезапно — стоило в борьбу включиться мне-человеку, и контроль над телом незамедлительно вернется. Дурацкие псы — не помеха для закованного в броню Ящера. Преград не будет.

Едва слышный свистящий шепот проникал сквозь незримый барьер. В нем не было слов, только неясное обещание силы и неуязвимости. Сладкое до невозможности и манящее, как бесплатный сыр в мышеловке. Почти даром, почти на халяву. Все, что от меня требовалось — незначительное усилие. Не надо давить на решетку, оно справится само, достаточно прекратить сопротивляться. И у меня будет все. Обещание силы и вседозволенности захлестывали.

Искушение продолжалось лишь несколько секунд, но момент был самый неподходящий — заминка легко могла

стоит мне жизни. Не думаю, что демон нуждался в моей душе. Все, что ему требовалось — это оболочка. Сильное, практически неуязвимое тело Ящера. И в этом его желания совпадали с моей второй половиной. Зверь тоже жаждал свободы и рвался к ней из последних сил. Рисунок на теле горел так, что вязь символов освещала всю комнату. Тревожная пульсация нарастала. Мощь заклинаний Василька заставляла тварей медленно пятиться в угол. Они даже не пытались атаковать — только скулили и прятались друг за друга.

— Назад!

Откровенно говоря, я не знал, кому предназначалась команда. Ящеру, наверное. Глупо рассчитывать, что заточенный в собственном теле враг послушается пусть и громкого, но всего лишь крика. Впервые с момента обращения я приказывал звериной части себя. Даже когда мы с Ящером едва не сожрали тройку бандитов, мне удалось лишь оборвать трансформацию тела. Зверя загнала внутрь вовремя появившаяся сестренка. В этот раз все было иначе. Картинка была так отчетлива, что я видел все как наяву. Недовольный, с оскаленными зубами и встопорщенной чешуей, Ящер замер и прекратил рваться наружу. Еще не передумал, но игнорировать не посмел.

Меня никто не учил колдовать. Я не Коста и уж точно не Граф. Точные выверенные движения оборотням недоступны. Двух недель на грани человеческих возможностей хватило, чтобы понять — их магия работает иначе. Перевертыши не колдуют — это закон. Но у каждого закона есть свои исключения, и мне не повезло. У меня все построено на чувствах и на эмоциях. На ярости, боли и мимолетных ощущениях. Вот и сейчас я собрал в комок всего себя и толкнул в сторону ошестинившегося зверя. Надеюсь, он поймет, что сейчас свобода гибельна.

Все замерло в шатком равновесии, а затем Ящер послушался. Темница начала медленно восстанавливаться, отсекая посулы и искушения дармовой силой. Медленно угасали серебряные татуировки.

В реальность меня вернула пронзительная боль. Одна из собачек воспользовалась моментом и прыгнула вперед. Ее

зубы вонзились мне в ногу раньше, чем я успел отреагировать. Странно, но вместо того, чтобы воспользоваться замешательством и навалиться посильней, они сразу отступили. Все произошло так быстро, что когда я поднял взгляд, комната уже опустела. Глядя, как по ноге стекает алая кровь, мне оставалось только угрожающе взмахивать изувеченной вазой. Похожие на адских псов твари скрылись во тьме сквозь дыру в балконе.

Оглядываясь по сторонам, я старался унять трепыхание сердца. Меньше чем за минуту комната превратилась в руины, а замершие на пороге силуэты домочадцев добавляли картине недостающего драматизма. Плюхнувшись на останки серванта, я тоскливо обнял окровавленную дубину. В тот момент я совершенно не представлял, как объяснить семье ночное вторжение.

Кстати, насчет драматизма я поторопился. Едва Юля щелкнула выключателем, как входная дверь с грохотом влетела в квартиру, и коридор начал заполняться людьми. Я даже не успел подняться, как они взяли под контроль все комнаты.

Вспышка чудом уцелевшей люстры ослепила не хуже прожектора, и взмах моей странной дубины пришелся по воздуху. Отшагнув в сторону, ближайший из нападавших легким толчком усадил меня обратно в сервант. Я уже готовился повторить попытку и на этот раз вцепиться ему в горло, когда знакомый голос заставил меня замереть:

— А ну хватит! — И добавил: — Сиди, герой. Отвоевался.

Жаль, напор адреналина уже прошел, и наступил, что называется, отходняк. Стукнуть бы его по башке вазой и списать на стрессовую ситуацию. Мечта! К сожалению, единственное, на что меня хватило — это фраза полупшепотом:

— Сволочь ты, Коста. На черта дверь испортил?

В ответ мне достались широкая улыбка и задорное подмигивание корейца.

Через пятнадцать минут мы остались вчетвером: мама с сестрой и мы с Костой. Как в карточной игре пара на пару, с той лишь разницей, что на этот раз был только один дурачок — я. Впрочем, вновь прибывший занимал скорей ней-

тральную позицию, хотя по выражению лица было видно — в целом он солидарен с разбушевавшейся родительницей. Неторопливо отхлебывая из кружки, маг одобрительно кивал в такт ее словам. Входную дверь пристроили абы как, и гуляющий по квартире сквозняк то и дело вздымал маме волосы, делая ее похожей на фурию. Впрочем, внешностью сходство не заканчивалось, разошлась она не на шутку:

— Как ты мог скрывать такое?! Семья, доверие — для тебя это пустой звук?

— Я хотел как лучше. Думаешь, легко признаться в таком?

— Не кричи на маму! — Очередной подзатыльник не заставил себя ждать.

— Да я и не кричу. — Попытка отодвинуться подальше с треском провалилась. — Просто старался отгородить вас от всего этого.

— Зачем ты вообще туда полез? Денег не хватало?

Судя по разгневанному виду, мама собралась начать разговор заново. Полуразрушенная, залитая чужой кровью квартира и пачка фотографий Ящера привели ее в состояние, близкое к шоковому. Не каждый день узнаешь, что твой сын — оборотень. Это я еще старательно избегал подробностей вроде психованной вампирши, которую мать собственноручно отпаивала чаем. В отличие от сестренки, она эту новость не оценит. Юлька, кстати, восприняла все совершенно спокойно. Думаю, она о многом догадывалась. Без подробностей, конечно, но подозревала точно.

— Я же уже объяснил. Не было у меня другого выбора, я не в цирке работаю. Приказ есть приказ.

— Дай мне телефон. Хочу поговорить с твоим начальством! — не сдавалась мама. — Хочу посмотреть в глаза тому, кто посмел отправить моего ребенка на чертову войну.

Сам того не замечая, я начал заводиться. Несправедливые, с моей точки зрения, обвинения сжимали внутри меня опасную пружину.

— Во-первых, я уже не ребенок, а во-вторых, ни с кем ты не поговоришь! Потому что мое начальство через одного погибло на этой, как ты говоришь, чертовой войне!

— Не кричи на маму!

Подзатыльник прилетел от сестренки. Точнее почти прилетел. Перехватив занесенную ладонь, я слегка ее сжал. И на этот раз я не смог подавить в себе вспышку злости, исподволь зреющее раздражение выплеснулось наружу и включило защитный механизм серебряных рисунков. Агрессия внутри нарастала медленно и незаметно, пока меня в очередной раз скрутило болью. Пробежавшая по телу волна изменений была видна невооруженным глазом, мигмом прекратив перебранку на кухне. Не знаю, как это выглядело со стороны, но заткнулись все. И без того неширокие глаза корейца сузились до едва заметных щелочек.

— Держи себя в руках. — Я скорее прочитал по губам, чем услышал его фразу.

— Сынок, что с тобой?

Мамин взволнованный голос заставил меня выпрямиться и улыбнуться как ни в чем не бывало. Но успокоить ее я не успел, вместо меня это сделал Коста:

— Не переживайте, Вера Павловна. Александр просто еще не отошел от лечения. Постепенно приступы сойдут на нет.

Он хотел добавить еще что-то, когда в разговор вмешалась сестра:

— А что это за значки на нем вспыхнули?

Вопрос, заданный самым что ни на есть невинным тоном, вогнал нас в ступор. Если я не ошибаюсь, Василиек гарантировала, что простым людям эти знаки не видны. Выходит, Юлька — маг?! Не может быть! Коста пришел к тому же выводу, его взгляд буквально прилип к сестре.

— Какие значки?

Вкрадчивый тон сверха мне откровенно не понравился. Сестренку я не отдам. Хватит и одного урода в семье.

— Ну эти... светились. — Юля непонятно поводила в воздухе руками, но мы поняли.

— Коста! Только попробуй! — В моем голосе снова прорезались рычащие нотки, а тело замерло в предчувствии очередного приступа.

— Подожди. — Кореец от меня просто отмахнулся. — Надо кое-что проверить.

— Только тронь ее. Я...

В этот раз не выдержала мама. Тяжелый заварник звонко ударился о пол, разбрызгивая коричневую жижу и осколки фарфора. В кухне воцарилась гробовая тишина.

— Что? Здесь? Происходит? — Мама говорила рублеными фразами, боясь сорваться.

— Кхмм, — откашлялся Коста. — Дело в том, что... Это еще не точно, нужны специальные проверки. Но вполне возможно, что ваша дочь тоже является сверхом. Достаточно сильным, чтобы рассмотреть заклинание на теле Александра.

— Нет, — отрезал я.

— Ты можешь отрицать, но факт останется фактом. Если она маг, ее надо учить. Ради ее же безопасности. Ты не хуже моего знаешь, что может натворить необученный одаренный.

Глядя на расплывающуюся в улыбке сестру, я проговорил:

— Она не маг!

Мои слова утонули в радостном визге. В отличие от меня, сестренка не знала, в какую бучу лезет. Уверен, в ее голове роились мысли об избранности и великих свершениях. Редко бывая дома, я все же замечал, с каким интересом она смотрела передачи о творящихся вокруг чудесах. Я понимал ее, но ничего не мог с собой поделать. Стоило мне вспомнить, через что я прошел, и алчный взгляд Косты воспринимался как покушение на мою семью.

— Саша, я знаю, о чем ты думаешь. Вера Павловна, не переживайте. Вы далеки от нашей работы, а ваш сын в основном сталкивался с обратной стороной медали. Подожди. — Видя, что я снова собрался протестовать, кореец выставил перед собой ладонь. — Вспомни, с чего все началось! Ты хочешь, чтобы однажды Юля случайно кого-нибудь убила? Или думаешь, что у магов все проще, чем у оборотней? Черта с два. Кстати, возьми-ка. — Коста протянул сестре крохотное серебряное колечко. — Это универсальный глушитель. Не слишком мощный, но на первое время хватит. Вера Павловна, утром за Сашей заедет отец Илларион, нужно, чтобы ваша дочь поехала с ним. Обещаю, ничего страшного с ней не случится.

— Но...

— Игорь вам все объяснит, а сейчас, извините, мне пора. Мои ребята подежурят. Можете спать спокойно, никто вас больше не потревожит. Строители подъедут завтра, ближе к полудню, приведут в порядок дверь и окно. С этой дурацкой академстройкой... — Он махнул рукой. — Хотя какая-то от нее польза. Заодно поставят защиту от непрошенных гостей. Еще раз извините, мне действительно пора. Саша, проводи меня, будь добр.

Залпом допив чай, Коста откланялся и вышел из кухни. Накинув куртку, я поспешил следом. Должок за тобой, Коста! Я же просил не вмешивать семью. Так нет, мало того, что меня сдали с потрохами, так еще и на сестренку нацелились.

Выйдя на улицу, мы остановились у неприметного микроавтобуса с грязно-тонированными стеклами. Не знаю, чего там было больше, тонировки или грязи, но разглядеть сквозь них хоть что-нибудь было невозможно. Поежившись от пронизывающего холода — человеческое тело не одобряло зябкую ночную прохладу — я вопросительно уставился на корейца. Затянувшись сигаретой, тот произнес:

— Злишься?

— Да, — не счел нужным отрицать очевидное. — Какого черта ты меня сдал?

— Не дури, Ящер. После такой ночи тебя бы раскатали не хуже инквизиции. Проверено, отбрехаться без шансов. Можешь считать, что я оказал тебе услугу.

— В гробу я видал такие услуги.

— Угу, — усмехнулся кореец. — Я, конечно, видал лгунов хуже, но редко. Не включай дурака и других не держи за идиотов. Рано или поздно они бы догадались и устроили тебе веселенькую жизнь. Так что ты — мой должник.

— Вы обещали, что ничего не расскажете. У нас был договор.

Коста в две затяжки добил сигарету и щелчком отправил ее в сторону мусорного бачка. Проследив взглядом за пикирующим светлячком, я повернулся к магу:

— Ну!

— Не нукай, не запрягал. Договаривался ты с Васильком, а она хоть и умная девка, но круглая сирота. Она не понима-

ет. Хотя чего тут удивительного? У нас у каждого свои тараканы. Знаешь, будь моя воля, я бы тебя выпорол. Сразу как узнал о вашем договоре. Ты неделю в коме провалялся, а твои — ни сном ни духом. Если бы не Женька, ты бы умер. Что тогда?

— Справился бы как-нибудь, — буркнул я. Мне стало стыдно.

— Ты, может, и хотел как лучше, но послушай моего совета, Александр. Поменьше ври близким людям, а то так запутаешься, что вырываться будет больно. Не тебе. Им.

— Но...

— Все, Саша, разговор закончен. Обижайся не обижайся — все уже в курсе. Лучше расскажи, кто на тебя напал? Не хотел твоих пугать, потому и вытащил «на покурить».

— Не знаю, — неохотно ответил я. — На собаку похоже. Я особо не рассматривал, темно было. Здоровая, мне по пояс. Рычала странно. Монотонно так, как пенопластом по стеклу, до мороза по коже. От этого и проснулся. Их вообще-то трое было, остальные сбежали.

— Тяжело было?

Не хотелось мне признаваться, что большую часть проблем доставила конторская поделка. Спасительный рисунок едва меня не прикончил. Маг продолжал изучающе смотреть, поэтому я просто пожал плечами. Думал, отвяжется, но Коста и сам догадался о проблеме. Хитро прищурившись, он понимающе кивнул:

— Перекинуться пробовал. И сильно скрутило? Ладно, мне и правда некогда. Вот возьми. — Кореец протянул кусок пластика. — Игорь должен тебя отвезти, но на всякий случай. Здесь адрес, тебя будут ждать. Без формы Ящера ты почти беззащитен, а при нашей работе это небезопасно. Если не сбежишь — помогут.

— А что там? — Я повертел карточку в руках, но, кроме адреса, на ней ничего не было.

— Узнаешь. Извини, правда спешу.

— Коста, подожди. — Я помялся. — Что с Волковым? Я его после кинотеатра не видел. Как он?

— Никак. Пропал майор, даже по крови найти не можем.

Тишина. — Маг отвел взгляд и, помолчав, добавил: — Такие дела. Бывай, Санек.

Микроавтобус уехал, а я медленно побрел домой. Грустные известия окончательно испоганили и без того паршивый день. Металлическая дверь гулко брякнула на весь подъезд, вызвав в душе нездоровое ощущение правильности. На черта ее придерживать? Спят все? На том свете отоспятся! Мысль заставила меня скрипнуть зубами.

Поднявшись в квартиру, я молча прошел на кухню. Початая бутылка сорокаградусной нашлась в холодильнике, и сто грамм ухнули в пустой желудок, взорвавшись, словно бомба. Стало жарко.

— С чего это вдруг? — донесся из-за спины тихий голос матери.

— У меня друг пог... пропал.

Опрокинув залпом вторую, я отправился спать. Обогнув притихшую маму, нырнул в приоткрытую дверь спальни и, не обращая внимания на вопросительные взгляды сестры, плюхнулся в расстеленную на полу постель. Думал, буду ворочаться, но сон навалился сразу. Тяжелый, вязкий сон без сновидений.

Холодный и пронизывающий ветер развевал занавески развороченного балкона, отчего складывалось впечатление, что из квартиры кто-то машет рукой на прощание. Белеющая в темноте ткань привлекала внимание немногочисленных ночных прохожих, заставляя гадать, что же могло случиться на шестом этаже.

Оставленные для охраны сотрудники тринадцатого отдела внимательно сканировали каждого, но их подозрительность пропадала впустую. Недолго поглазев, прохожие отправлялись по своим делам. Тот, кого искали «черти», был для них недосыгаем. Немногие способны выследить прячущегося высшего, и уж во всяком случае не рядовые, пусть и одаренные «черти». Их стандартные «каталожные» заклинания не выдерживали соревнования с отточенным искусством Салеха. Спрятавшись на крыше соседнего здания, вампир надежно закутался в тени и наблюдал.

Немертвый прислужник Эльвиры удостоил своих быв-

ших сослуживцев лишь презрительным хмыканьем. Недоучки! Другое дело, что стоило сунуться ближе, как тревожная сеть неминуемо зазвенит, и тогда придется иметь дело с настоящими профессионалами. Насчет их возможностей вампир не заблуждался, не так давно он сам трудился в конторе и прекрасно знал, что происходит с наивными, неведь что возомнившими одиночками. Насмотрелся. Воевать с системой можно лишь до тех пор, пока она о тебе не подозревает. К счастью, война в его планы не входила. Так, легкая диверсия, не более. Время есть, а терпения вампиру было не занимать. Чего нельзя сказать о его спутниках.

Из-за спины донеслось низкое басовитое рычание. Гончие крови не могли простить своего позорного бегства и требовали повторной схватки. Казавшийся беззащитным враг внезапно оказался быстрым и сильным. Холодные отблески серебра до сих пор будоражили память этих неглупых, в сущности, созданий. Впрочем, сотворив гончих, Хозяин не постеснялся вбить в них покорность жгучей плетью с острыми серебряными жалами. Он и теперь охотно брался за порядком потертую рукоять, и прикосновения благородного металла больше не страшили четвероногих монстров. Они были привычны, хотя и крайне болезненны. Куда худшим испытанием оказался бесконечный голод, что затаился под этим свечением. Темный, сродни их собственному, но гораздо опасней и глубже. Такой противник оказался не по зубам адским созданиям. Гончие до сих пор не отошли от горечи бегства, и лишь воля повелителя сдерживала их от повторной, пусть и самоубийственной атаки.

— Еще не время, Тиша. Еще не время.

Холодная рука немертвого легла на лобастую голову, немедленно оборвав негромкий рык. Шурясь от удовольствия, гончая начала ластиться к Салеху, подставляя шею. Вторая псина ревниво подлезла с другой стороны, требуя внимания. Некоторое время вампир поглаживал своих жутковатых питомцев. Проникни взгляд простого человека сквозь завесу тьмы, и ему было бы гарантировано пожизненное заикание. В монстрах почти не наблюдалось сходства с простыми собаками.

Наконец оторвавшись от животных, вампир выпрямился и скомандовал:

— Домой. Здесь нам делать больше нечего. Я получил что хотел.

В кармане высшего покоился крошечный флакон с образцом крови Стальнова. Укус кровавого пса не прошел даром.

ГЛАВА 3

Утренняя чашка кофе не помогла. В голове продолжали витать обрывки навалившегося под утро сна. В нем я постоянно убегал, с кем-то дрался и куда-то падал. Мерзость. Настроение было откровенно паршивым, и даже бодрящий напиток не оказывал своего привычного воздействия.

Мама в спешке носилась по квартире, пытаясь успеть на работу. Вчерашнее происшествие здорово выбило из колеи наш график. Да что говорить, если даже сестренка, обычно встававшая ни свет ни заря, дрыхла без задних ног. Я уже начал надеяться, что она проспит до приезда отца Игоря и останется дома, когда из комнаты выскочил белобрысый и лохматый ураган. Проспавшее чудо присоединилось к утренней суматохе. Две опаздывающие женщины в одной квартире — это нечто. Минут пятнадцать я наслаждался картинами хаоса и разрушения. Настроение медленно поползло вверх.

К сожалению, мои надежды остались несбыточными — Юлька успела привести себя в порядок до появления священника. Сегодняшним утром она особенно сильно напоминала лучистый комочек энергии, и поверьте, я лучше других представлял, что произойдет, если вовремя не направить эту энергию в созидательное русло. Знал, но на раздавшийся звонок среагировать не успел. Юлька рванула открывать, совершенно забыв о вчерашнем происшествии, и повисшая на честном слове дверь рухнула наружу, едва не похоронив наших гостей. Ладно хоть целы остались, чего нельзя сказать о двери. Вчерашние «спасатели» подошли к делу с профессиональной основательностью, не оставив ей ни шанса. Не выдержав повторных издевательств, дверь глухо бухнула об

пол и раскололась на две части. В воздух поднялись клубы бетонной пыли.

Кашляя и протирая глаза, в квартиру шагнул отец Игорь. Обилие белых пятен превратило аккуратную рясу священника в подобие леопардовой шкуры. Спутник отца Иллариона отделался легким испугом. По крайней мере, пятна на его джинсах не так бросались в глаза.

— Да уж, чистая энергия хаоса, — резюмировал я, допивая остатки кофе.

— Извините.

Юлька испуганно ойкнула. Скрывшись в ванной, сестренка отгородилась хлипкой преградой от праведного гнева гостей. Мама наблюдала за разрушениями со смесью жалости и злорадства. Думаю, инцидент с дверью пошел на пользу ее отношению к моим коллегам. Сложно сердиться на людей, выглядящих столь нелепо. Впрочем, даже остатки вчерашней злости не помешали ей мило поприветствовать незадачливых гостей и извиниться за поведение дочери. Отряхнувшись, Игорь как ни в чем не бывало представил своего спутника. Оба-двое улыбались и шутили.

— Вера Павловна, познакомьтесь, это — Роман. Он посторожит вашу квартиру и проследит за ремонтом. — Заметив скепсис, с которым мама рассматривала невысокого и худощавого Рому, он поспешно добавил: — Уверяю, ваше имущество в надежных руках.

Действительно, в свете истинного зрения открывалась несколько иная картина. В глаза бросалась насыщенная аура ярко-алого цвета с небольшими вкраплениями желтого и голубого. Не знаю, что означали эти прожилки, но, судя по обилию красного, Роман не чурался магии огня. Я поморгал, вглядываясь. Характерно развитая энергоструктура — похоже, боевик. И силен, «чертяка», минимум второй уровень.

В памяти всплыла иерархия тринадцатого отдела. Женья-Василек рассказывала о ней еще на заре моей карьеры. К сожалению, дело происходило в машине, а вождение мастера-лекаря не подразумевало вдумчивого запоминания информации. Единственное, что меня интересовало в тот момент, — это собственная безопасность. Особенно в те момен-

ты, когда Женька начинала активно маневрировать, пользуясь даром. Разглядывая огневика, я с удивлением понял, что мне все-таки удалось запомнить основные моменты. Хотя оно и неудивительно, градация оказалась не слишком сложной.

В самом низу пирамиды вольготно располагались «пустышки» — неодаренные и лишенные каких-либо способностей к магии люди. До Волны таких было большинство, после — совсем крошечный процент неудачников.

Следом за ними шли «стихийники».

— Дар есть, талант отсутствует, — небрежно пояснила Василек.

Мне запомнилось это пренебрежение в голосе, и я только недавно осознал, откуда оно взялось. Наверное, это свойственно каждому из моих знакомых: узкоглазый Коста и перехитривший самого себя Граф, погибшая Золушка и странно-ватая Женя-Василек — все они талантливы. Мастера. Именно благодаря их усилиям выживали остальные.

Обучать было некогда, и одаренных от второго уровня сразу бросали в поле. «Двушка» — середина таблицы о рангах. Два-три атакующих заклинания, столько же защитных и умение слышать и видеть потустороннее. Новички, не умеющие создавать собственные заклинания и работающие с энергиями напрямую. Примитивная визуализация и накачка каналов. Ничего удивительного, что в результате осваивался лишь базовый набор, носящий весьма индивидуальный характер. Яйцеголовые до сих пор ломали головы, почему в одном случае рождался огненный шар, в другом — кислотная струя, а в третьем — пшик и ничего. Обратной всех мастей гребли под ту же гребенку.

Мы — боевики. Пушечное мясо тринадцатого отдела. Нас натаскивали и бросали с пирса. До прихода Волны у конторы не было иных способов научить нас плавать. Шла гонка на выживание, и время решало все. Каждый из нас прошел через свое испытание, и в глубине души мы все этим гордились. Почти краповый берет, только среди магов. Зачастую мы толком не понимали, что происходит, но выживали! И еще! Такие, как мы, остались в прошлом. Волна многое изменила, отпала необходимость в старых методах.